

Из истории Гдовского дома заключения

По документам Гдовского дома заключения, которые хранятся в Госархиве Псковской области, не представляется возможным установить начальную дату функционирования этого уездного пенитенциарного учреждения, но первые упоминания о нем относятся к 1919 г. В 1919-1921 гг. он назывался исправительным домом, применительно к 1921-1922 г. встречаются названия «исправительный дом» и «дом заключения», а в 1923 г. применялось уже единое название - Гдовский дом заключения. Находился он в подчинении Ленинградской губернской инспекции мест заключения.

Администрация исправдома руководствовалась в своей деятельности многочисленными инструкциями, указаниями и приказами карательного отдела, но определяющим являлся «Декрет СНК о лишении свободы» от 21 марта 1921 г., поставивший в отношении заключенных следующие цели:

1. Поставить лица, признанные опасными для советского строя, в фактическую невозможность причинить вред государству;
2. Предоставить этим лицам возможность исправления.

Максимальный срок лишения свободы, а также принудительных работ без содержания под стражей, предусматривался сроком в 5 лет.¹

Гдовский исправдом был рассчитан на 75 мест, но количественный состав лишенных свободы постоянно менялся, т.к. исправдом выполнял функции и пересыльной тюрьмы.² В 1920 г. среднесуточное количество заключенных составляло 90 чел., в 1923 г. - 100 чел., в период 1925-1927 гг. оно колебалось от 130 до 220 чел. Инструкция карательного отдела предписывала использовать не менее 50% лишенных свободы на принудительных работах, но на деле использовалось не более четверти или трети. В качестве поощрения два дня хорошей работы засчитывались за три дня отбывания срока заключения.

Но такая практика, как и обеспечение занятости на различных работах половины всех заключенных, широкого распространения не получила скорее всего из-за отсутствия в Гдове достаточного количества рабочих мест, срочные и следственные заключенные имели право на свидание и получение посылок: они разрешались три раза в неделю в специально назначенные для этого дни.³ Для посетителей, прибывших издалека, передачи разрешались и в другие дни. Гораздо реже допускались свидания и передачи для особых категорий заключенных. Так, для разряда «испытуемых» свидание разрешалось только раз в неделю, а штрафных – вообще раз в месяц. За образцовое поведение заключенные поощрялись помимо свиданий и передач разрешением на переписку (тоже трижды в неделю). Свидания разрешались главным образом с близкими родственниками - родителями, женами, детьми, братьями, сестрами, и только в исключительных случаях - со всеми остальными. В любом случае для получения свидания требовалось предъявление документов.

Исправдом призван был стать и местом организации культурно-массовой работы для заключенных, но в Гдове она была поставлена очень слабо. Так, в 1921 г. сообщалось, что «спектакли, лекции и концерты для заключенных не устраиваются, обучение грамоте не введено, мастерская отсутствует». Имелась при Доме лишь библиотека из 40 томов книг.⁴

Гдовский исправдом имел ограниченный штат служащих. В 1920-1921 гг. в нем числилось 15 человек (12 - надзор, 3 - администрация),⁵ в 1923 г. штат был увеличен на 7 надзирателей, а в 1924-1925 гг. службу несли в общей сложности 24 сотрудника. По сравнению с 1920 г. появились должности лепкома, завхоза, счетовода, конторщика и др., а попытки Ленинградской губинспекции мест заключения добиться увеличения количества служащих и жалования им оказались

Светлова Любовь Васильевна - зав.отделом информации Государственного архива Псковской области

безуспешными. В 1926 г., правда, уездный финансовый отдел весьма своеобразно решил вопрос об увеличении заработной платы: он просто сократил штат надзирателей на две единицы, и за счет этого увеличил жалованье оставшимся. Денежное довольствие, однако, выдавалось нерегулярно. В 1921 г. оно либо задерживалось, или же выдавалось частично. Заведующий, например, на конец 1921 г. получил только половину от причитавшейся ему суммы.⁶ Основную часть штата служащих составляли мужчины, женщины принимались только в виде исключения на канцелярские должности, хотя в 1926 г. две женщины служили и младшими надзирателями.⁷

Питание заключенных в исправдоме было весьма скудным. Согласно «Сведениям о норме питания для здоровых заключенных» в 1920 г. в день на человека полагалось: сельди - 50 г, свежей рыбы - 100 г, крупы - 65 г, капусты, хлеба и картофеля - по 200 г, чечевицы - 65 г. В праздничные дни порции несколько увеличивались, а чай, сахар и жиры вообще не выдавались.⁸ В 1926 г. были по рекомендациям врачей введены специальные диетические пайки. Такое положение заключенных вызывало сочувствие к ним местных жителей, нередко выражавших желание прийти на помощь. Так, в феврале 1921 г. в ряде церквей были проведены сборы денег, продуктов и одежды «для томящихся в заключении, но специальный Циркуляр карательного отдела запретил «принятие передач от церковников и религиозных организаций».⁹ Большим подспорьем в таком случае являлось подсобное хозяйство исправдома. Уже 13 мая 1920 г. петроградский губземаотдел выделил Гдовскому исправдому 70 пудов семенного картофеля, который предстояло возратить в двойном размере после получения урожая. А намеревалась администрация дома получить уже в первый год 250 пудов капусты, 400 пудов картофеля, 100 пудов свеклы, а также брюкву, морковь, лук, огурцы. Что получилось в реальности, документы умалчивают.

Весьма остро стоял вопрос обмундирования служащих исправдома и экипировки лишенных свободы, о чем свидетельствует

Циркуляр петроградского карательного отдела в июне 1921 г., предписывавший: «Ввиду непоступления теплой одежды и вообще верхней, а может даже и белья, все имеющееся в наличии для заключенных сохранить, все имеющиеся теплые вещи просушить, проветрить и починить».¹⁰ В 1923 г. по вещевому довольствию было получено 18 новых арестантских шинелей (некоторые из них были попорчены молью), 16 старых ватных бушлатов, 28 пар летних портянок, 37 мужских рубашек, четыре простыни и семь шарфов, что было явно недостаточно, т.к. средняя наполняемость исправдома доходила до 100 человек.

Далеко не все обстояло благополучно и с подбором служащих. На работу нередко поступали люди, не имевшие соответствующей теоретической и практической подготовки, и их необходимо было готовить. В 1923 г. для ознакомления служащих с Уставом караульно-постовой службы, навыками обращения с оружием были организованы специальные занятия, в том же году разработаны и введены в действие должностные инструкции для ответственного дежурного, младшего надзирателя и др. Так, надзирателям предписывалось «пост свой ни под каким видом не бросать, оружия своего никому не давать», ответственному дежурному вменялось в обязанности присутствовать при смене надзирателей, проверять посты не менее четырех раз в ночь, участвовать в закладке продуктов в котел и др.¹¹

Надзор, однако, трудно привыкал к точному исполнению должностных обязанностей, допускал нарушения режима, за что подвергался взысканиям. 19 января 1923 г. младший надзиратель Григорьев, например, принял без разрешения ответственного дежурного посылку для передачи заключенному, за что, с учетом неоднократно допускавшихся ранее проступков, был уволен со службы. В июне 1923 г. совершил побег заключенный Тимофеев, за что допустивший это надзиратель получил 5 суток ареста. Курьезный случай произошел с младшими надзирателями Николаевым и Осиновым: они по невнимательности выпустили из исправдома вместо отбывшего срок Федотова

Василия совершенно другого человека – Иванова Василия. Побег из Гдовского исправдома, однако, к середине 1920-х гг. были почти полностью изжиты. Так, 22 сентября 1926 г. его начальник сообщал в Ленинград, что за истекший год побегов из дома заключения совершено не было. «Были отдельные попытки, - писал он, - отъявленных преступников к организации таковых, но своевременно были выявлены путем умелого подхода администрации к заключенным, находящимся среди особо опасных преступников, и приняты меры через усиление бдительности надзора».¹²

Первоначально в исправдоме вообще не было организовано медицинское обслуживание заключенных, лишь в 1923 г. появилась должность леккома, который стал ежедневно проводить обследования питания и дважды в месяц - санитарного состояния камер, проводя в необходимых случаях дезинфекцию. В апреле 1926 г. медико-санитарное обследование Гдовского дома заключения провел инспектор Ленинградского губздравотдела, выявивший много ненормальностей. Дом оказался сильно перегруженным заключенными: на день проверки в нем содержалось 227 чел. вместо 75 по норме, перегрузка составляла, таким образом, 300%. Чрезмерно уплотненными оказались камеры: в общей женской камере содержался 31 человек, в общей мужской - 61, вследствие чего они вынуждены были спать на полу, под нарами, «спали как попало и где попало, занимая гробовую площадь». В камерах отсутствовали матрацы и постельные принадлежности, воздух был спертый, затхлый, стены покрыты плесенью. Хотя баня посещалась дважды в месяц, среди обитателей дома отмечалась поголовная вшивость. Неудовлетворительной была признана постановка медицинской помощи: своего врача в Доме попрежнему не было, он вызывался лишь для освидетельствования больных, выявленных леккомом. Раз в неделю исправдом посещал зубной врач, но приходил он без всяких инструментов. В Доме не было даже специальной камеры для изоляции больных, таковых отправляли на лечение в городскую больницу. Жалко выглядели даже элементарные

удобства: вместо умывальника на веревочке был подвешен небольшой глиняный кувшин, вместо ведра использовалась параша. Дополняли картину «затубренный скальпель и термометр».¹³

Оставляло желать лучшего обеспечение надзора оружием. В конце 1920 г. в арсенале числились две русских винтовки, два револьвера, одна «кованая шашка» и немногим более 200 патронов.¹⁴ В 1924 г. наличного оружия стало несколько больше: в секретных «Сведениях о движении оружия» числятся 8 винтовок, 3 берданки, 3 нагана и одна кованая шашка.¹⁵ А проведенной в 1927 г. проверкой было установлено, что все 8 винтовок, 3 берданки, пять из 11 револьверов системы «Наган» требуют ремонта. Исправными оказались лишь 6 револьверов и шашка.¹⁶ Проблема была настолько острой, что в феврале 1926 г. начальник Дома заключения просил начальника Гдовского погранотряда выделить во временное пользование один револьвер системы «Наган» и 10 патронов к нему, ввиду того, что «в доме заключения содержатся опасные преступники, а патронов в наличии имеется всего 20 штук».

Любопытными документами являются характеристики на младших надзирателей и сотрудников Дома, составленные в период проводившейся их аттестации с октября 1927 г. по январь 1928 г. Хотя написаны они прямолинейно, без официальных штампов, но позволяют выявить индивидуальные качества каждого из аттестуемых.

Так, например, отмечалось, что у помощника начальника Дома заключения Григория Романовича Романова «сказывается полное отсутствие решительности и инициативы... Товарищ Романов решает какой-либо вопрос при помощи другого лица, а если самостоятельно – факт получается всегда искаженным. Не умеет соображать и разбираться в обстановке. Обращение с подчиненными грубое, подчас неуместное. Имеется воинская дисциплина, но самодисциплина отсутствует. Нет выдержанности, любит поболтать чего не следует и где не надо. Есть стремление и желание к умственной работе, но небольшие умственные способности и рассеянность мешают. Общественным автори-

тетом не пользуется, как среди надзора, так и среди лишенных свободы, общеобразовательная и техническая подготовка слабая, т.к. имеет низшее образование. Революционных заслуг не имеет. Занимаемая должность помощника начальника для товарища Романова, имеющего малую развитость и небольшой практический стаж, является для него непосильной. Необходимо переместить его на должность старшего надзирателя».

По итогам аттестации был рекомендован к понижению в должности и завхоз Дома заключения, а всего аттестации подверглись 13 человек, один из которых был уволен, 10 признаны несоответствующими занимаемой должности, и только двое рекомендованы на повышение. Надзиратели почти поголовно имели крестьянское происхождение, получили всего лишь низшее образование. В 1927 г. из 27 служащих четверо состояли в коммунистической партии и один - кандидатом.

Знакомство с личными делами заключенных Гдовского исправдома за 1922-1929 гг. показывает, что чаще всего содержащиеся в нем обвинялись по следующим статьям:

- нелегальный переход границы и занятие контрабандой (в условиях пограничного положения Гдовского уезда такие дела составляли большинство);
- незаконное нахождение в пограничной полосе;
- нарушение общественного порядка, хулиганство, драки;
- кражи, хищения;

- покушения на жизнь, убийства;
- уклонение от призыва на воинскую службу;

- взяточничество, превышение власти;
- самогонование, хранение спирта и др.

А вот лишь отдельные примеры обвинений, по которым люди попадали в число заключенных исправдома.

В 1924 г. народный суд Гдова приговорил 20-летнего крестьянина Архипова Николая к лишению свободы сроком на один месяц за самовольный сруб березы. Ранее Архипов дважды судился за порубку леса, но отделялся штрафами.

В августе 1927 г. народный суд Гдова рассмотрел материалы следствия по делу Герасимова Ивана, 1900 г. рождения, за уклонение от уплаты алиментов на ребенка, прижитого им с гражданкой Ивановой. Учитывая, что Герасимов имел возможность помочь ребенку материально, но уклонился от выплаты, суд подверг его лишению свободы на две недели.

В сентябре 1927 г. Васильев Федор, 52 лет от роду, был осужден на один год лишения свободы за неплату заработной платы артели рабочих, которые работали у него на подряде при постройке моста через р. Плюсу. Рабочие согласно договору должны были получить 206 пудов ржи.

Преобладали, таким образом, дела обычного бытового характера. Более серьезные преступления, за которые назначались длительные сроки, были крайне редкими.

Примечания

1. ГАПО, ф.432, оп.2, д.13, л. 58.
2. Там же, д.17, л.88.
3. Там же, оп.1, д.19, л.73.
4. Там же, оп.2, д.27, л.28.
5. Там же, оп.2, д.3, лл.23, 24, 28.
6. Там же, лл. 28-29.
7. Там же, л.30.
8. Там же, л.33.
9. Там же, д.13, л.18.
10. Там же, л.60.
11. Там же, оп.1, д.19, л.3.
12. Там же, оп.20, д.29, л.7.
13. Там же, д.32, лл.39-41.
14. Там же, д.7, л.7.
15. Там же, оп.1, д.2, л.2.
16. Там же, д.3, лл.7-8.
17. Там же, д.8.